

НОЙ

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пеленой,
Зачем же кедровое тело ковчега
Поставил на брег недоверчивый Ной?
С утра облачился в льняную рубаху,
Денёк безмятежный на все времена,
Умыты рососоу библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.
Смеётся над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на верёвках коров и рабов.
Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он всё твердит: «Каждой твари по паре»,
И всё собирает в мешки семена.

СУПЕРМАРКЕТ

По утрам лёгкий дым с теплотрассы,
В супермаркет спешащий народ,
В упаковочном рае пластмассы
Покупателей время крадёт.
Сквозь красоту рекламной картинки
Возникает без всяких затей
Целый лес равнодушный инстинктов,
Бремя скрытых эмоций, страстей.
Жизни истина, вот она, рядом,
Даже сдачи скучающе сдаст.
Продавщицы блуждающим взглядом
Ретушируют лица у касс.
Пусть звенят турникетные рамы,
Предсказуем поток новостей –
Обязательно выскочат замуж,
Нарожают успешных детей.

Не беда, если сердце разбито,
Обустроят навязчивый быт,
Наберут невозвратных кредитов
И привычкою сделают стыд.
В потребительском счастье гипноза
От духовного мир отрешён,
Лёгкой жизни суровая проза
И сплошной летаргический сон.

КАМЕННАЯ БАБА

Под дождём, глухим, раскосым,
Грозовой ярился фронт,
Степь кренилась под колёса,
Искажая горизонт.
В ковыле, через ухабы,
Сквозь тысячелетий тьму,
Смотрит каменная баба,
Неподвластна никому.
Как внезапное явление,
Что мерещится вдали,
Будто бы столпотворенье
Выросло из-под земли.
Кто её покой разбудит?
Страх вокруг заночевал.
Серы каменные груди,
Строг лица пустой овал.
Небеса идут багровой
И опять берут своё,
Звон мечей и брызги крови,
Слёз гранитных забытьё.
Дым становий в поле диком,
Крик поверженных врагов...
Время думать о великом
И чужих свергать богов.

ТРЕВОГИ БЫТИЯ

Под утро ум перебирает вещи,
Сон переходит грани забывья
И робкий свет напоминает клещи,
Смыкающий тревогу бытия.
Над остовом утихнувших мелодий
Встаёт в зрачках неясное. Вполне
Являя образы из разума угодий,
Которые живут нечаянно во мне.
Так пыльный плющ, одолевая камень,
Стремится вверх, в холодный небосвод,
И управляем лёд, и так холодно пламя,
А сущее в руках, а не наоборот.

БОГОМАЗ

Моления предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная, с миротворенья.
Пусть светится от золота оклад
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.
Левкас никак не отпускает кисть,

Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отображая перечень пророчеств.
Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

ПОСОХ

В полях безбрежных и туманных,
Дорогами в дожди и зной
Бреду к земле обетованной
Сквозь долгий день и мрак ночной.
Дан жизни суковатый посох
В смоле вишнёвых янтарей.
Безмолвие пути как способ
Уйти за кромку будних дней.
В небесную стремиться полость,
Кровь вечности устав болеть.
Небрежен свет, в нём только вольность,
Которую дано воспеть.
Леса, что вторят мне устами,
Бессмертно на пути стоят,
Туда, где даль встаёт вратами,
В невидимый небесный град.

ЦЕППЕЛИН

Гляди сыновьею любовью на горизонт, где, как налим,
Плывя, струи тугие ловит по нашей воле цеппелин.
Подставил смело ветру щёки над сонностью речных прохлад,
Несвоевременный – и в итоге несовершенный аппарат.
Скрипит фанерная гондола, где командор засел птенцом.
Он на какой парад в просторе летит серебряным яйцом?
Нам дерзновенья века любви, подвластен, мил лубковый сказ,
Играйте, ангельские трубы, звени моторами, каркас.
Канаты свесились под брюхом, как письмена из узелков,
Гордись, страна, небесным духом, путь властелинов – он таков!
Мы покоряем раз за разом простор, не осознав предел,
Мечтою в кубатурах газа, судьбой неповторимых дел.

